

вины населения – не великосы, сам Розанов писал: «Русское ядро на всех краях обложилось небольшими, но своеобразными странами ли, культурами ли, но во всяком случае своеобразьем в языке, нравах, вере. Могут они стать тучами на горизонте, а могут стать и светлыми зарницами» (10, с.318).

От религиозной и национальной терпимости, от взаимоуважения зависит судьба самой страны. В пестрой национальной структуре российского общества достойное место занимает еврейское население – факт, от которого невозможно отмахиваться, который в национальной политике нельзя не принимать во внимание, учитывая при разработке принципов такой политики и положительный, и отрицательный опыт прошлого, сфокусированный, в частности, в идейном наследии Розанова в полярнейших своих ипостасях.

Литература

1. Бабинцев В.П. «Еврейский вопрос» в России как проблема диалога культур / В кн.: Дух и время. Философско-культурологический альманах. Вып. I. – Белгород: БГУ, 1998. – С. 63-70.
2. Розанов В.В. Еще о мозаичности и эклектизме в истории // Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. – М.: Республика, 1996. – С. 201-208.
3. Розанов В.В. Место христианства в истории // Религия и культура. – М.: Правда, 1990. – С. 22-46.
4. Розанов В.В. Мимолетное. 1915 год // Мимолетное. – М.: Республика, 1994. – С. 5-334.
5. Розанов В.В. О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира // Религия и культура. – С. 560-571.
6. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый // Уединенное. – М.: Правда, 1990. – С. 75-418.
7. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй // Уединенное. – С. 419-629.
8. Розанов В.В. Почему на самом деле евреям нельзя устраивать погромов? // Мимолетное. – С. 442-450.
9. Розанов В.В. Русская церковь // Религия и культура. – С. 327-354.
10. Розанов В.В. С юга // Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. – С. 308-333.
11. Струве П.Б. В.В. Розанов, большой писатель с органическим пороком // Вопросы философии. – 1992. - № 12. – С. 79-85.

К.В. Харченко

Мышление “человека власти” первых послеоктябрьских лет: анализ регионального материала

Начальная история большевистского государства в России традиционно ассоциируется с высокопарными слоганами, отчего политическое бытие конца 1917– начала 1921 гг. предстает перед нами несколько искусственным. Между тем служебная документация советских учреждений в

данный период, в отличие от опубликованных источников, раскрывает бытие аппарата власти в ином, естественном ракурсе, позволяя разведать, что делается в “кухне идеологии” как бы изнутри. И если понимание и оценка действий *центрального* аппарата, состоящего из более образованных служащих, затруднены тем, что созданные ими тексты в большей степени стилистически закодированы, то при анализе *регионального* материала у исследователя имеется больший шанс обнаружить излитую на бумагу непосредственность умозаключений автора того или иного документа.

Результативность интерпретации источников, отложившихся в архивах на периферии, зависит от избранного источниковедческого подхода. Современная методология исследования исторических источников, основываясь на идее единства источниковой основы целенаправленной человеческой деятельности¹, в то же время отказывается акцентировать максимально точное моделирование инвариантного прошлого, как это практиковалось ранее. Напротив, подчеркивается психологическая и социальная природа документа (Кстати, “принцип признания чужой одушевленности” был выдвинут еще в конце XIX века классиком источниковедения А.С. Лаппо-Данилевским)². Данный подход представляется особенно продуктивным при анализе документов региональных архивохранилищ, поскольку понимание источников прошлого именно как реконструкции, в основе которой – диалог сознания (и психики в целом) исследователя с сознанием (и психикой) людей, живших прежде³, позволяет выше оценивать значение этих документов. В данном случае местные архивы используются не только для задач краеведения либо изучения макроистории, но и служат подспорьем для тех, кто занимается историей сознания и выходит на уровень междисциплинарного гуманитарного исследования. По словам Ю.Н. Афанасьева, “извлечение смысла и знания из источника возможно только при наличии навыков восстановления мысли автора из текстов, восстановления задач, которые ставили и решали творцы знания”. Автор подчеркивает, что особая роль при этом отводится навыкам филологического мышления, поскольку язык понимается в данном случае как хранилище интеллектуальной культуры ушедших поколений⁴.

Итак, выделим основные разновидности источников, встречающихся в региональных архивах (на примере Государственного архива Белгородской области), чтобы определить, в какой степени каждый тип документации отражает образ мышления представителя власти среднего звена.

Директивы. Эта подгруппа источников подразумевает нормативно-правовые и распорядительные акты, однако такое обозначение здесь было бы неточным из-за того, что большевистская власть отводила правовой сфере временную, по меньшей мере вспомогательную роль, следствием чего становилась фрагментарность, временность

декретов и даже необязательность их исполнения декретов. Узаконения первых послеоктябрьских лет имели нормативный характер в двух случаях: на начальном этапе, когда власть еще не отказалась от демократизма, и в 1920-1921 г., в связи с малоуспешной попыткой правительства большевиков продемонстрировать борьбу с произволом, допуская при изъятии частновладельческого имущества. Аморфность общегосударственного права вкупе с угрожающими директивами центральной власти ставили местных управленцев между двух жерновов, что отражалось на подзаконных актах, приказах, циркулярах, "обязательных постановлениях", распоряжениях, издаваемых в масштабе губерний и уездов.

Главная работа по изданию директив ложилась на Исполкомы, ревкомы, губернские и уездные ЧК и подведомственные им учреждения. Постановления и резолюции принимались также съездами Советов. Четких различий в структуре и содержании различно поименованных директив не прослеживается. Общая цель их издания состояла в поддержании отлаженной работы государственного механизма, для чего использовалась тактика согласно ленинской формуле "Мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, а затем принудить". Прямолинейные угрозы при этом встречаются лишь изредка: они, как правило, занимают скромное место в концевой клаузуле документа. На первый план снова и снова выступает идеологический нарратив.

Чрезвычайная Прифронтовая Комиссия Грайворонского уезда, издав в июле 1919 г. Приказ №1 о сдаче гражданами оружия и снаряжения, объясняла этот шаг тем, что она, *"основываясь на человечестве и идее пролетариата, не допустит, чтобы кулаки... вырвали из рук рабочих и крестьян власть"*⁵. Идеологизировались даже будничные меры, в частности, регистрация приезжих в Валуйках проводилась не иначе как *"в целях водворения революционного порядка"*⁶.

Всеобщая идеологизация жизни все же была сравнительно новым явлением, и, вероятно, поэтому приказы, содержащие исключительно идеологизированные мотивировки, зачастую не срабатывали. Местным властям приходилось сочетать их с обращением к традиционным моральным ценностям.

Так, приказ грайворонских властей о сборе среди населения верхней одежды, выпущенный месяцем ранее в форме объявления "Граждане рабочие и крестьяне города и уезда", апеллировал к жалости тех, чьи родственники и знакомые служили в армии:

"...Товарищи красноармейцы по целым неделям полными сутками сидят в цепи и окопах на поле под дождем и холодом не имея верхней одежды из-за недостатка таковой вообще в армии, а потому нам всем еще более спокойно сидящим под крышами своих домов нужно немедленно прийти на помощь, добровольно сдав часть верхней своей одежды". Кстати, без идеологем авторы данного приказа не обошлись. Продолжая логическую цепочку, они вывели из обеспеченности армии сохранность завоеваний революции от *"коварного врага – капитала"*⁷.

Созвучен приказ Курской ГубЧК, в котором прослеживается подчеркнутое недоумение, как можно торговать военным обмундированием, *“когда наша Красная Армия Советской Социалистической Республики, проливая кровь на защиту Советской Республики от международных империалистических хищников и контрреволюционеров, ходит почти нагая и босая”*. В конце документа содержалась традиционная угроза суровых мер⁸.

В преамбулах отдельных приказов эмоциональность и идеологизированность уступают место *рациональности* объяснения того, чего именно власть желает добиться от граждан.

В 1921 г. Белгородский Исполком пытался директивным путем противостоять недоброкачественному выполнению гужевой повинности: *“Гужповинность государством введена не для того только, чтобы отбыть очередь или сделать тот или другой прогон подводы, а для того, чтобы в определенный срок и к требуемому месту было перевезено определенное количество полевого груза”*⁹.

Стремясь сделать директивы максимально доступными для малограмотного исполнителя, издававшие их должностные лица избегали обобщенных понятий – характеристик класса предметов, о котором шла речь. Поясним эту особенность на примере приказа председателя Белгородского уездного Совнархоза:

*“Всем магазинам, конторам, складам, частным лицам и комбедам г. Белгорода и уезда. Представить не позднее 18 марта [1919 г.] в СНХ... сведения о имеющихся у них запасах: лака, краски, олифы, кистей, керосина, нефти, мазута и проч., минеральных масел, сапожных гвоздей, колодок, дратвы, щетины и прочих сапожных принадлежностей”*¹⁰.

Кроме директив о сдаче государству различного имущества в принудительной или *“добровольной”* форме, так же подробно расписывались специальности граждан, зачисляемых отбывать трудовую повинность.

Следующий пример – постановление правления одного городского профсоюза Курской губернии от 4 мая 1919 г. по поводу нехватки продовольствия – демонстрирует *абсолютизацию формализма*: Правление увидело причину нареканий граждан в адрес органов власти в том, что *“широкие слои рабочих и крестьян не в курсе мер, принимаемых местными Продорганами к удовлетворению и ослаблению назревающего кризиса”* и постановило созвать собрание, чтобы разъяснить этот вопрос¹¹. О налаживании снабжения продуктами речи не велось.

Особый *“законодательный”* источник, пожалуй, наименее ценный для тех, кто охотится за фактами, – *резолуции съездов Советов* (губернских, уездных, волостных), которые, между тем, несут ценную информацию о том, как постулаты большевистской идеологии преломлялись через сознание советских управленцев.

Делегаты Грайворонского съезда Советов, заслушав доклад о текущем моменте, постановили: *“Шлем проклятие врагам трудового народа... Шлем привет Геройской и Победоносной Красной Армии и ее вождям, сражающимся на фронте и добывающим издыханного врага и желаем скорее покончить со сворой проклятых врагов”*¹²

Все изученные резолюции уездных съездов, в особенности по текущему моменту, сходны повышенной эмоциональной окраской, предельной простотой представлений о действительности, отсутствием юридического языка. Значение подобного рода документов при минимуме их практической пользы состояло разве что в поддержании идейной сплоченности представителей власти.

Изучая директивы, можно наблюдать попытки вышестоящих властей отыскать наиболее действенный способ контакта с подчиненными, а через это – систему приоритетов и ценностей должностных лиц, особенности их языка, логику рассуждений.

Протоколы. В региональных архивах сохранились записи заседаний уездных ревкомов, Исполкомов, отделов управления, рабоче-крестьянской инспекции и т.д. В протоколы включались постановления и резолюции, однако сам по себе этот тип источников ценен тем, что при его исследовании можно узнать о дискуссиях, которые предшествовали принятию директив.

В марте 1919 г. Грайворонский уездный съезд волостных земотделов обсуждал закон о социалистическом землеустройстве от 14 февраля 1919 г. Большинство делегатов подписали документ, осуждающий этот законодательный акт. Местные коммунисты, оказавшись в растерянности, стали склонять съезд принять другую резолюцию, предлагавшую *“землей наделить в первую очередь сельскохозяйственные артели [и] коммуны”*¹³. В ход пускались угрозы и оскорбления. Когда зал начал успокаиваться, партийный руководитель извинился, но, тем не менее, предложил *“целиком отвергнуть резолюцию, принятую большинством и вновь рассмотреть резолюцию партии, которая никого не насилует и предоставляет каждому гражданину свободно устраивать свою жизнь на коммунических, и артельных, и единоличных началах”*. Съезд все же остался непреклонен, и коммунистам ничего не оставалось делать, как его распустить¹⁴.

Протоколы съездов местных Советов честно зафиксировали борьбу между необходимостью насаждать идеологию под натиском Центра, с одной стороны, и – в меньшей степени – здравым смыслом тех, кто был знаком с реальным положением дел, с другой. Предельная идеологизация текущего момента не оспаривалась, чего нельзя сказать о насущных вопросах, таких, как земельный и продовольственный. Обратим внимание на реплики делегатов Старооскольского уездного съезда Советов (ноябрь 1920 г.):

Упродкомиссар, выступая с докладом, переложил вину за невыполнение разверстки на граждан, которые, по его словам, дали не-

правильные сведения о своих продуктовых запасах. В ходе прений мнения разделились. Трезвое суждение использовать выработанный в прошлом механизм высказал делегат Золотухин: *“Недостатки завясят от нас, ведь разверстку производит сельский совет... Давайте выполнять разверстку, как раньше выполняли подати”*. Другой выступающий, Панин, предложил отнестись к народу с пониманием: *“Рабочий и крестьянин – это кит и сейчас страшно исхудалый. Нужно его накормить”*. Далее, однако, последовало признание, что в настоящий момент нет возможности увеличить продовольственную норму. На этом заседании, как, впрочем, и на многих других, особо выделялись те, кто строил выступления исключительно на идеологических сентенциях: *“Дело продовольствия – это самый важный вопрос и его нужно разрешить. Наши темные крестьяне не понимают этого важного вопроса”*; *“Вы все знаете, что выполнить разверстку значит спасти революцию, а мы революцию будем спасать, а следовательно, выполним разверстку”*¹⁵. Использование идеологием при обсуждении насущных проблем по существу оттягивало их решение, однако во-первых, являлось доказательством благонадежности, а во-вторых, как видно из последнего случая, служило источником веры в скорое улучшение жизни, даже когда не было ясно, каким путем это будет достигнуто.

Реконструируя ход мышления должностных лиц с помощью протоколов, обратим внимание, помимо идеологием, на канцеляризм: *закрывать заседание исполкома “в виду неимения света”*; *финотдел при сборе налога на национализированный товар “наблюдает техническую волюнку Гуспо [потребительского общества]”*¹⁶. Может быть, придумывание необычных метафор, сравнений, фразеологизмов было своеобразным выходом творческой энергии?

Служебная переписка сходна с *директивами* по конечной цели – добиться предустановленной ответной реакции адресата, однако отличается тем, что адресат задан конкретно. Это увеличивало силу воздействия документов данного типа. Особенность посланий по сравнению с *протоколами* – в том, что дошедший до нас текст является не пересказом словесных баталий, пусть даже напряженных, а непосредственным выражением намерений должностного лица.

Отдельные послания, направлявшиеся от вышестоящих властей к нижестоящим, демонстрируют *глобализацию* мышления советских управленцев, что заметно при анализе переписки, равно как и директив.

В письме от 9 ноября 1918 г. Новооскольский информационно-инструкторский подотдел критиковал уездную ЧК за направление всех сведений непосредственно в Москву, подчеркивая, что местный материал *“не имеет для Государства ровно никакого значения, но тем не менее Вы тормозите загружая Центр ему не нужными бумажками”*. С позиции автора документа, формальные нарушения могли вызвать чуть ли не катастрофические последствия: *“Я еще раз убедительно прошу*

товарищей отозваться к самому трудному сейчас государственному периоду, *не тормозя его исторический в деле ход*¹⁷.

Глобализация “управленческой мысли” проявлялась также в чрезмерной переоценке представителями власти своей повседневной работы. Так, в 1921 г. председатель Белгородского уездного комитета труда направил в квартком требование: “в порядке революционного задания предлагаю Вам с получения сего в трехдневный срок представить в Укомтруд... списки граждан Вашего квартала...”¹⁸.

Специфической чертой служебной переписки 1918 – начала 1921 гг. стала персонализация государственных органов.

20 июля 1920 г. Транспортная ЧК Валуйского уезда направила в юридическое бюро Исполкома категорический ответ на замечание последнего относительно незаконности самочинной конфискации имущества: “ЧК, не знающая личной вражды и [убежденная в] недопустимости таковой в целях достижения намеченных идеалов рабочего класса товарищески отвечает”, что согласно приказа вышестоящей инстанции НКЮ не имеет права наблюдения за ее деятельностью¹⁹; “Финансовый Отдел... только родился и стал крепнуть на своих молодых ногах”²⁰, – заявил в Исполком председатель Грайворонского финотдела, защищая помещение от посягательств других государственных структур. Персонализации учреждений наблюдалось тогда, когда их руководители ощущали непрочность своего положения. Отождествление аппаратчика с аппаратом выполняло защитную функцию.

Говоря о служебной переписке, упомянем и такой способ воздействия на адресата, как крайне детализированное *инструктирование*. Так, заведующий Белгородским отделом внутреннего управления, отказывая ревкому в просьбах о выдаче оружия, стремится максимально понятно, с помощью образного языка обосновать такое решение: “Между прочим не лишним считаю указать, что ездить в уезд с револьвером в кармане никакого нет смысла, ибо, если говорить о безопасности, то револьвер в руках одного человека плохая защита – скорее, это наоборот: револьвер для массы – это красная материя для разъяренно-го быка”²¹.

В большей степени упомянутое явление революционного глобализма вкупе с персонализацией государственных органов отразилось в отчетных докладах. Действительно, объем текста, свойственный этому типу документов, позволял представителю власти выражать свою мысль развернуто. В конце 1920 г. председатель Старооскольского комитета всеобщей трудовой повинности отмечал, что работа его детища “охватывает более и более широкий горизонт, проникая почти во все отрасли труда”²². А вот как отчитывался председатель отдела управления: “Работа уездного Отдела Управления представляется настолько сложную, разнообразную и разностороннюю, что таковую, по роду своего значения, осветить всесторонне письменно не представляется никакой возможности”. Автор этого документа, видимо, собравшись с сила-

ми, все же осветил деятельность Отдела, не забыв приписать и "работу по поддержке тишины, порядка и благополучия граждан уезда"²³.

Мышление представителей власти раскрывает и такой интересный источник, как **формуляр** (бланк, анкета, опросный лист). Даже ограничившись формулировками вопросов личных карточек сотрудников советских учреждений, можно ответить на вопрос, по каким критериям человек мог считаться достойным своей должности.

Прежде всего, выяснялся род занятий управленца до советской службы, причем наводящие вопросы требовали детального ответа, принадлежал ли ты к рабочим или служащим, был ли хозяином и если да, имел ли наемных рабочих. Аналогично требовалась детальная характеристика своего имущественного положения: наличие дома (в деревне, в городе, фабрично-заводского), полевого хозяйства (уточнялся размер), торговой лавки, промышленного заведения, мастерской. В заключение следовали вопросы о партийности, а от беспартийных требовался ответ, кому они сочувствуют: коммунистам, меньшевикам или же социалистам-революционерам²⁴.

Другие встречавшиеся в архивах формуляры содержали также вопросы о службе в армии (при царе, Временном правительстве и большевиках), возможных случаях дезертирства опрашиваемого и его родственников. Скрытый драматизм многих формуляров – в том, что заполнявший их служащий был вынужден под страхом наказания свидетельствовать о своих личных недостатках и служебных несоответствиях.

Историко-психологический подход к данным источникам предполагает несколько иное понимание информативности как оценочной характеристики найденных материалов. Так, в решениях государственных органов о конфискации имущества, отложившихся в виде директив, протоколов и служебной переписки, сколько-нибудь значимыми представляются не одни лишь фактические сведения о механизме обыска и изъятия вещей, количестве отобранного имущества и его дальнейшей судьбе. Мышление "человека власти" реконструируется по документам, которые отразили обоснования той или иной конфискаторской акции. **Информативность** документов различных типов варьируется следующим образом: директивы высших властей отражают в большей степени догматизированные представления о реальности, тогда как сопутствующие им циркуляры советских работников низшего звена совмещают обязательные идеологемы с реалистичной оценкой обстановки. Если директивы – это окончательно принятые решения, то протоколы запечатлевают сам процесс обмена мнениями (в 1917 – начале 1920-х гг. конец свободомыслию еще не наступил). Деловая переписка представляет собой немногословные документы, и потому бывает довольно сложно оценить личность их создателя через логику его суждений. Наконец, психологическая подоплека формуляров становится доступной для исследователя только по косвенным признакам, хотя происходившая в

шая в революционную эпоху ломка делового стиля делает эти признаки более явными.

Таким образом, документы региональных архивов, даже фрагментарно сохранившиеся и неупорядоченные, обладают богатым информационным потенциалом не только и не столько для чисто исторических задач (воссоздания хронологической последовательности события-явления), сколько для ментальной истории, изучающей процессы, происходившие в сознании ее делателей. Источники, по которым на основе косвенных данных можно выявить ход мышления должностных лиц, обладают, как правило, невысокой информативностью; в достоверности же полученных данных сомневаться не приходится, хотя многое при этом зависит от акцентов, сделанных исследователем на этапе интерпретации.

Примечания

¹ Медушевская О.М. Историки-ведческая основа исторической антропологии как науки и как университетской дисциплины //

http://auditorium.ru/conf/histr/medushev_istoch.htm

² Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. Пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцев. – М.: РГГУ, 1998. – С.9.

³ Там же.

⁴ Афанасьев Ю.Н. Может ли образование быть негуманитарным? // Вопросы философии. – 2000. – №7. – С.41.

⁵ Государственный архив Белгородской области (далее ГАБО), ф.Р-381, оп.1. д.1, л.17

⁶ Там же, ф.Р-407, оп.1, д.12, л.80.

⁷ Там же, ф.Р-381, оп.1, д.1, л.15.

⁸ Там же, ф.Р-379, оп.1, д.1, л.17.

⁹ Там же, д.10, л.31.

¹⁰ Там же, ф.Р-379, оп.1, д.1., л.18.

¹¹ Там же, ф.Р-428, оп.1, д.1, л.71.

¹² Там же, д.17, л.2 об.

¹³ Там же, д.1, л.59.

¹⁴ Там же, лл. 61, 58.

¹⁵ Там же, ф.Р-430, оп.1, д.20, лл. 4 об. – 5.

¹⁶ Там же, ф.Р-428, оп.1, д.2, л.134; 1919 г.

¹⁷ Там же, ф.Р-388, оп.1, д.85, л.10.

¹⁸ Там же, ф.Р-706, оп.1, д.56, л.38.

¹⁹ Там же, ф.Р-407, оп.1, д.12, л.149

²⁰ Там же, ф.Р-428, оп.1, д.2, л.33.

²¹ Там же, ф.Р-380, оп.1, д.3, л.5.

²² Там же, ф.Р-430, оп.1, д.20, л.43.

²³ Там же, л.45.

²⁴ Там же, ф.Р-388, оп.1, д.122, л.5.